

Х Р О Н И К А

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Около двух столетий в русской и западноевропейской литературе обсуждается вопрос о происхождении киргизского народа, одного из древнейших народов Средней Азии. Этот вопрос относится к числу наиболее сложных в историографии не только Средней Азии, но и СССР. Только в советское время появилась возможность подвести прочное научное основание под решение проблемы этногенеза киргизского народа. Был написан и издан обобщающий труд В. В. Бартольда «Киргизы»; в широких масштабах были организованы археологические экспедиции на территории Киргизии под руководством А. Н. Бернштама, по-новому подошедшего к разработке вопроса о происхождении киргизского народа; проведены антропологические исследования Л. В. Ошанина и А. И. Ярхо; начаты этнографические и диалектологические работы и т. д. Однако во всех этих ценных исследованиях было много пробелов, а по ряду вопросов необходимы были новые материалы, собранные в систематическом порядке на территории всей Киргизской ССР. Учитывая неполноту имеющихся источников и придавая большое значение правильному решению проблемы этногенеза киргизского народа, основанному на выработанном советской наукой комплексном методе, Киргизский филиал Академии наук СССР (с 1954 г.— Академия наук Киргизской ССР) обратился в Президиум АН СССР с просьбой организовать совместную экспедицию с участием ученых различных специальностей для сбора соответствующих материалов. Президиум АН СССР пошел навстречу этой просьбе. Была организована и в 1953—1955 гг. проводила свою работу Киргизская комплексная экспедиция, в составе которой действовали археологические, антропологический, этнографический и картографический отряды.

После окончания полевых работ экспедиции было признано необходимым подготовить и провести специальную сессию, которая подвела бы итоги исследований по этногенезу киргизов и наметила основные пути решения этой проблемы.

10—14 ноября 1956 г. в гор. Фрунзе состоялась научная сессия по этногенезу киргизского народа, созванная Институтом истории Академии наук Киргизской ССР, Институтом истории материальной культуры (ИИМК) и Институтом этнографии АН СССР. В сессии приняли участие ученые Киргизии, научных учреждений Москвы и Ленинграда, а также ряда республик и национальных областей: Узбекской, Таджикской, Казахской, Туркменской ССР, Кара-Калпакской, Якутской, Бурят-Монгольской и Татарской АССР, Горно-Алтайской, Хакасской и Тувинской автономных областей. Такой состав участников придал сессии межреспубликанский характер и обеспечил необходимую для разрешения проблемы этногенеза широту постановки вопроса. Обсуждение этой проблемы было организовано с участием представителей разных областей знания: историков, археологов, антропологов, этнографов, языковедов и искусствоведов, что дало возможность плодотворного обмена мнениями и способствовало укреплению связей между учеными разных специальностей, хотя, как отметили участники сессии, в этом отношении остается сделать еще многое.

Правительство Киргизской ССР и Центральный Комитет Коммунистической партии Киргизии уделили научной сессии большое внимание и создали исключительно благоприятные условия для ее плодотворной работы. В работе сессии приняли участие первый секретарь ЦК КП Киргизии И. Р. Раззаков, секретари ЦК — К. К. Каракеев, В. Н. Остаплюк и М. А. Абдыкулов, председатель Президиума Верховного Совета республики Т. К. Кулатов, заместитель председателя Совета Министров Киргизской ССР К. К. Кондучалова.

Важной предпосылкой успешной работы сессии по этногенезу были исследования упомянутой комплексной экспедиции. Новый материал для проверки и уточнения периодизации памятников, разработанной в свое время А. Н. Бернштамом, собрали археологические отряды экспедиции. В общих чертах эта периодизация осталась без изменений. Было исследовано большое количество памятников, принадлежащих кочевникам, что расширило наши знания о культуре древнего населения Тянь-Шаня. Обширные раскопки городских поселений в Чуйской долине и на востоке Ферганской долины дали много

нового материала для характеристики этого рода памятников, имеющих большое историко-культурное значение. Раскопаны уникальные буддийские храмы и впервые открыты ранняя христианская церковь. В Чуйской долине обнаружено много новых городищ. Собраны убедительные данные, свидетельствующие о том, что эти древние города принадлежали предшественникам киргизов на данной территории. Открыты и зафиксированы многочисленные древние наскальные изображения.

Антропологические работы экспедиции охватили основные территориальные и этнографические (в прошлом племенные) группы киргизского народа. Установлены ранее недостаточно выявленные отличия физического типа киргизов и казахов, уточнены территориальные различия киргизов в антропологическом отношении. Наряду с ценным палеоантропологическим материалом, добытым археологами, собраны ранее отсутствовавшие краниологические материалы по современным киргизам, что значительно облегчило сопоставление антропологических особенностей древнего и современного населения Киргизии. Изучена последовательность смены расовых типов на территории Киргизии.

Значительных успехов добились в своей работе и этнографы. Ими была обследована по единой программе территория всей республики. Собраны обширные материалы, характеризующие этнический состав киргизского населения и его этническую историю, и начата их разработка. Составлена карта расселения прежних родоплеменных групп в пределах современной Киргизии. Синтетические картографические работы этнографов еще до их публикации использовались языковедами и антропологами. Изучены особенности материальной культуры и изобразительного искусства основных территориальных и этнографических групп киргизского населения. Систематизированы и частично уже картографированы данные о распространении разных явлений материальной культуры.

Опубликован первый том Трудов экспедиции, содержащий часть результатов антропологических и этнографических исследований. Готов к печати второй том Трудов.

Одновременно с комплексной экспедицией работала организованная при Институте востоковедения АН СССР группа по выявлению и учету исторических сведений о Киргизии и киргизах. Группа провела большую работу по систематизации восточных письменных источников, начиная с IX в. н. э., и по переводу извлечений из них. Тем самым будет облегчен труд исследователей, особенно тех, кто по своей специальности непосредственно не связан с работой над письменными источниками.

Киргизские языковеды за последние годы также достигли серьезных успехов: уточнено место киргизского языка в системе тюркских языков, значительно продвинулась вперед классификация диалектов. На этой основе языковеды создали обобщающие труды, представляющие не только чисто лингвистический, но и исторический интерес.

Характером всех этих исследований, проводившихся за последние годы большим коллективом ученых Киргизии, Москвы и Ленинграда, были обусловлены и профиль и содержание большинства докладов, заслушанных и обсужденных на сессии.

Сессия открылась вступительным словом президента Академии наук Киргизской ССР И. К. Ахунбаева, отметившего важность проведенных исследований в области этногенеза киргизов и то большое внимание, которое уделяют научные центры нашей страны изучению истории киргизского народа и его происхождения. И. К. Ахунбаев подчеркнул значение поставленных на обсуждение сессии вопросов и творческого сотрудничества ученых разных специальностей.

Доклад Б. Д. Джагмырчинова (АН Киргизской ССР) был посвящен характеристике задач изучения этногенеза киргизского народа. Подлежат исследованию происхождение основных этнических элементов, из которых сложился киргизский народ, отношение притяньшанских киргизов к киргизам Енисея, хронологические рамки, в которых происходило передвижение киргизских племен на территорию Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы и формирование здесь киргизской народности. Докладчик призвал представителей различных наук объединить усилия для решения этих задач.

Основной доклад, сделанный А. Н. Бернштамом (ИИМК) и определивший направление развернувшейся в дальнейшем дискуссии, носил название «Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа». По мнению А. Н. Бернштама, тюркизация племен южной Сибири, Казахстана и Средней Азии начинается с III в. до н. э., особенно со времени раскола гуннов на северных и южных в середине I в. до н. э. Взаимоотношения центральноазиатских племен с саяно-алтайскими и тяньшанскими племенами восходят к глубокой древности. Незадолго до начала нашей эры в результате скрещивания гуннов и динлинов образовались киргизы Енисея. Несколько позднее формировались и тюркоязычные племена Тянь-Шаня. Тюркизация усуней и сармато-аланских племен была связана в первую очередь с длительной гуннской экспансией (III в. до н. э.—V в. н. э.), которой сопутствовал процесс постепенного смешения гуннов с местными среднеазиатскими племенами, причем сами гунны попали под сильное влияние культуры этих племен. Как свидетельствуют развернувшиеся в Киргизии археологические исследования, наряду с гуннскими вторжениями с востока и сарматскими влияниями с запада, Средняя Азия имела продолжительные связи с племенами Восточного Туркестана. Об этом говорят и письменные источники, языковые, антропологические и этнографические данные. Однако в VIII—X вв. н. э. роль центральноазиатских племен в формировании тюркоязычных племен Средней Азии заметно уменьшается, но увеличивается значение в этом процессе алтайских племен.

Основываясь на текстах анонима «Худуд ал-Алам», географа Истахри и других, А. Н. Бернштам полагает, что к X в. н. э. киргизы уже находились на территории Тянь-Шаня. Появление киргизов на этой территории и сложение киргизской народно-

сти в Средней Азии он связывает с неоднократными переселениями киргизских племен с Енисея в Семиречье и на Тянь-Шань, где они все более и более ассимилировали местные племена. Сложение киргизов на Тянь-Шане было длительным и сложным процессом. Очевидно, имя киргизов не было известно на Тянь-Шане до XVI в. вследствие того, что они были в меньшинстве в племенном составе местного населения, были лишь носителями «кочевого уклада» в высоко развитом феодальном обществе местных государств. Только после монгольского завоевания XIII в., находясь в Могулистанском государстве на территории Синьцзяна и на Тянь-Шане, киргизские племена стали объединяться в народность.

В содокладе Ю. А. Заднепровского (ИИМК) «Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа» были охарактеризованы обнаруженные и исследованные в различных районах южной Киргизии памятники, начиная с эпохи бронзы. В VI—IX вв. на этой территории уже имелось кочевое тюркоязычное население. Для более позднего периода археологические памятники кочевого населения отсутствуют. Это не позволяет увязать известные пока археологам данные с данными этнографии современного киргизского населения. Тем не менее племена, жившие здесь в домонгольский период, очевидно, явились одним из компонентов, вошедших в состав киргизского народа.

Доклад С. М. Абрамзона (Ин-т этнографии) «Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии» был основан на анализе разнообразных данных, собранных этнографическим отрядом Киргизской комплексной экспедиции. Отвечая на вопрос о том, из каких этнических элементов образовалась киргизская народность и каково происхождение этих элементов, докладчик выделил пять основных слагаемых: а) центрально-азиатские элементы, связанные с кругом древнетюркских племен VI—IX вв.; б) центральноазиатские элементы, включившиеся в процесс киргизского этногенеза в более поздний период (X—XIV вв.) и связанные по своему происхождению главным образом с монгольскими племенами; в) ногайско-казахские элементы, вошедшие в состав киргизского народа на последнем этапе его этногенеза (XV—XVIII вв.); г) относящиеся к тому же времени элементы смешанного монгольско-тюркского происхождения; д) поздние элементы, обязанные своим происхождением этническим связям между киргизским и узбекским, отчасти таджикским, населением. Отметив особенно близкие этнические связи киргизского населения Тянь-Шаня и Памиро-Алая с племенами Алтая и Восточного Туркестана, в частности притибетских районов, докладчик пришел к выводу о том, что этническим ядром киргизской народности могли стать тюркоязычные племена, обитавшие на территории Восточного Притяньшанья, отчасти Алтая, и передвинувшиеся на рубеже I и II тысячелетий н. э. на территорию Тянь-Шаня. Они были объединены общим именем «кыргыз», которое имело, по-видимому, не этническое, а политическое значение. Процесс формирования этнических элементов, вошедших в состав южнокиргизской группы так называемых «ичкиликков», происходил в известной мере обособленно. Их передвижение на запад с территории южного Синьцзяна произошло значительно позднее, что не помешало и им ассимилировать некоторые местные кочевые племена.

С содокладом «Материальная культура киргизов как источник для изучения их этногенеза» выступила Е. И. Махова (Ин-т этнографии). Опираясь на собранные этнографическим отрядом экспедиции материалы, а также на музейные коллекции, Е. И. Махова выделила три основных комплекса материальной культуры киргизов: а) северный (Иссык-Кульская, Тянь-Шанская и Фрунзенская области), б) северо-западный (Таласская и Чаткальская долины и прилегающие районы Джалал-Абадской области) и в) южный (Ошская область, горные районы Таджикистана, населенные киргизами, и южные районы Джалал-Абадской области). В материальной культуре киргизов северных областей обнаруживается наибольшее сходство с казахами, а в отдельных элементах — с каракалпаками. У южных киргизов такое же сходство отмечается с группами узбеков, ведших в прошлом кочевой образ жизни. Некоторые общие черты прослеживаются в материальной культуре киргизов и народов Саяно-Алтайского нагорья, Восточного Туркестана и Монголии. Однако общий облик материальной культуры киргизов свидетельствует о важной роли в ее сложении среднеазиатских элементов.

С. В. Иванов (Ин-т этнографии) сделал доклад на тему «Киргизский орнамент как этногенетический источник». Пользуясь методом сравнительного изучения современного киргизского орнамента, проводимого на широком этнографическом, а отчасти и на археологическом материале, докладчик показал, что киргизский орнамент имеет много общего с орнаментом других народов Средней Азии и ближе всего стоит к орнаменту казахов, каракалпаков, а также полукочевых узбеков, а на европейской территории — к башкирскому. Выделив в составе киргизского орнамента несколько комплексов орнаментальных мотивов, представленных в искусстве и других народов Средней Азии, С. В. Иванов называет один из них кыпчакским (половецким), считая, что он сложился, видимо, в среде поздних кочевников, хотя истоки его восходят к более раннему времени. Два других комплекса, хотя и оформились в кочевой среде, но в своих истоках связаны, по-видимому, с орнаментом древнего оседлого (согдийского) населения Средней Азии и населения сопредельных с нею стран. Последний комплекс — значительно более древний, восходящий, возможно, к эпохе ранней бронзы.

Доклад музыковедов В. С. Виноградова (Союз советских композиторов) «Киргизское народное музыкальное творчество как источник изучения проблемы происхождения киргизов» вызвал особый интерес участников сессии. Сопоставляя музы-

кальную культуру ряда тюркоязычных народов, докладчик пришел к выводу об общности музыки киргизов, хакасов и некоторых других народностей Саяно-Алтая. Эта общность характеризуется лирико-эпическим образным строем, общей диатонической семи-ступенной звуковой системой, хотя некоторым из этих народов знакома и пентатоника. В киргизской музыке сохранились некоторые древние пласты в виде речитативных песенных образцов и изобразительных инструментальных пьес.

Участие специалиста по народной музыке впервые имело место на сессии, посвященной проблемам этногенеза. По мнению присутствовавших на сессии, привлечение этого вида источников для разрешения проблемы этногенеза оказалось весьма эффективным, в связи с чем было признано желательным, чтобы в дальнейшем систематический и постоянный контакт этнографов и музыковедов развивался и данные музыковедения привлекались для разрешения проблем этногенеза не только киргизского, но и других народов. Однако и для разработки проблем киргизского этногенеза необходимо собрание материалов по музыке других народов СССР и зарубежных стран.

С докладом «Антропологический состав древнего и современного населения Киргизии» выступил Г. Ф. Дебед (Ин-т этнографии). Изучение материалов по палеоантропологии Киргизии, сказал докладчик, привело советских антропологов к выводу о том, что древние антропологические типы на этой территории характеризуются преобладанием признаков европеоидной расы. Монголоидная примесь, наблюдаемая в составе древнего населения по крайней мере с усуньского времени, несколько усиливается после V в. н. э. Характерное для современных киргизов резкое преобладание монголоидных признаков сложилось еще позднее. Можно утверждать, что подавляющее большинство физических предков киргизов происходит из Центральной Азии, хотя в составе этих центральноазиатских кочевников, обладавших монголоидными признаками, по крайней мере частично уже имелась некоторая примесь европеоидных элементов, наблюдаемая и в антропологическом типе современных киргизов. Вместе с тем в образовании физического типа киргизов принимало участие, хотя и в самой незначительной мере, древнее европеоидное население долин Киргизии, обитавшее здесь еще в начале II тысячелетия н. э.

В своем докладе «Палеоантропология киргизов» Н. Н. Миклашевская (МГУ) отметила европеоидный характер черепов усуней Тянь-Шаня, сосуществование разных антропологических типов (европеоидных, смешанных и монголоидных) в середине I тысячелетия н. э., уменьшение монголоидности к концу I тысячелетия и резкое ее увеличение в первые века II тысячелетия н. э. Современные киргизы несколько более монголоидны по типу, чем казахи, и стоят в антропологическом отношении между последними и центральноазиатским антропологическим типом. Таким образом, этногенез киргизов складывался на базе местных и центральноазиатских элементов с резким преобладанием последних.

И. А. Батманов (АН Кирг.ССР) прочел доклад «Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа». По классификационным признакам, наиболее близким к киргизскому языку, тюркологи считают горно-алтайский. Общность этих языков докладчик рассматривает как результат их происхождения из одного источника, выделенного в свое время из тюркского языка-основы. Этот источник зародился на общей этнической базе в период, когда предки части современных киргизов жили совместно с предками современных алтайцев. В дальнейшем характерные признаки киргизского языка были перенесены с Алтая на среднеазиатскую почву. Процесс развития киргизского языка был связан с выделением в его составе диалектов и говоров. Сохраняющиеся в нем различия исторически восходят к прежним племенным диалектам, но в настоящее время прежние границы расселения племен и диалектные признаки уже не совпадают. Докладчик предложил свою схему классификации киргизских говоров. Характеризуя шесть выделенных им говоров, он привел соображения, представляющие значительный интерес с точки зрения этногенетических связей ряда территориальных групп киргизского населения.

Доклад на тему «Письменные источники как материал для изучения этногенеза киргизов» сделал В. А. Ромодин (Ин-т востоковедения АН СССР). Он рассказал о работе по выявлению восточных рукописей. Хотя и удалось найти некоторые данные, дополняющие прежние сведения о киргизах, в частности рукопись, оставшуюся неизвестной В. В. Бартольд, — имеющиеся в письменных источниках свидетельства, по мнению докладчика, не позволяют утверждать, что киргизы жили на Тянь-Шане в домонгольский период. Согласно сведениям китайских источников, говорит докладчик, последнее пополнение киргизов за счет джунгаров, происходившее в XVIII в., было более значительным, чем представлялось раньше. В. А. Ромодин подчеркнул настоятельную необходимость издания сочинения Махмуда Кашгарского (XI в.), содержащего ценный материал для истории Киргизии.

По заслушанным на сессии докладам развернулась оживленная дискуссия, в которой приняло участие более 20 представителей различных научных дисциплин. С возражениями против концепции А. Н. Бернштама выступил Л. Р. Кызласов (МГУ). Основываясь на данных археологии и письменных источников, он отрицал факт переселения киргизов с Енисея на Тянь-Шань и доказывал, что сюда переселились алтайские тюрки, которые могли послужить основой этногенеза киргизов. Л. Р. Кызласов согласился с мнением С. М. Абрамзона о том, что в этногенезе киргизов приняло участие выходцы с Алтая, из Прииртышья и Восточного Притяньшанья и что этноним «кыргыз» имел политическое значение. Б. А. Литвинский (АН ТаджССР) указал, что он считает кон-

цепцию А. Н. Бернштама в целом наиболее правильной, но не согласен с некоторыми его положениями, касающимися киргизского этногенеза до VI в. По его мнению, Фергана не являлась территорией, на которой происходило формирование киргизской народности. При Бабуре киргизов в Ферганае не было.

С возражениями против теории местного происхождения киргизских племен выступил Л. П. Зяблин (ИИМК), указавший на вероятность проникновения предков киргизов из Центральной Азии на современную их территорию после XIII в. М. П. Грязнов (ИИМК) подчеркнул важность для решения проблемы киргизского этногенеза поисков и раскопок археологических памятников, относящихся ко II тысячелетию н. э. Он не согласился с мнением о том, что имя «кыргыз» не имело вначале этнического значения, указав также, что вопрос об этнониме не может помочь решению проблемы этногенеза. В. В. Гинзбург (Военно-медиц. академия) поделился результатами длительного изучения палеоантропологических материалов, показывающих, с его точки зрения, что в основу этногенеза киргизов легло древнее местное население усуньского времени, характеризующееся андроновским европеоидным типом, на которое последовательно влияли пришлые группы, проникавшие главным образом с востока и северо-востока. В середине и второй половине I тысячелетия н. э. к ним относились ранние тюрки, антропологический тип которых говорит об их алтайском, а также восточнотуркестанском происхождении. Современный антропологический тип киргизов сформировался в начале II тысячелетия н. э., когда на территорию Тянь-Шаня, в связи с монгольским завоеванием, в значительном количестве проникают группы, обладающие монголоидным расовым типом.

С. И. Вайнштейн и Л. В. Гребнев (Тувинский научно-исслед. ин-т языка, литературы и истории) коснулись в своих выступлениях вопроса об отношении древнего населения Тувы к истории енисейских киргизов. С. И. Вайнштейн, используя данные археологии, а Л. В. Гребнев — данные фольклора, привели доказательства в пользу предположения, что область расселения киргизов в так называемое тюркское время не включала Тувы. Енисейские киргизы не были аборигенами Тувы, проникнув туда не ранее IX в. Обращает на себя внимание группа «кыргыз» в составе тувинцев, о происхождении которой существуют различные мнения. Эта группа уже сильно омонголена.

А. Д. Грач (Ин-т этнографии), исследуя материалы по петроглифам Центральной Азии и южной Сибири, а также Средней Азии и Казахстана, пришел к выводам, которые позволяют ему поддерживать концепцию о проникновении центральноазиатских этнических элементов на территорию Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э. и особенно в древнетюркское время. Он выдвинул предложение об организации параллельного изучения петроглифов Тувы и Киргизстана.

С некоторыми положениями докладчиков полемизировал А. Х. Маргулан (АН КазССР). Он возражал, в частности, С. В. Иванову, считая, что последний по существу почти отрицает народную основу киргизского орнамента. А. Х. Маргулан изложил весьма интересные соображения Чокана Валиханова, содержащиеся в его неопубликованной рукописи, по поводу появления киргизов на Тянь-Шане. По мнению Валиханова, центр киргизского политического союза в IX—X вв. находился в районе гор. Урумчи и к северу от Турфана. Оттуда киргизы совершали перекочевки в разных направлениях. Некоторые сильные группы из числа кочевавших в направлении Тянь-Шаня остались на этой территории и дали имя киргизов образовавшейся здесь народности.

А. Х. Хасанов (Киргизский гос. ун-т) полагает, что основное ядро киргизов в после-монгольское время уже имелось на Тянь-Шане, где и сформировалась киргизская народность. В XV—XVI вв. здесь происходило образование военно-политических союзов. К этому времени относится возникновение родоплеменного деления киргизов, существовавшего вплоть до революции. Важным фактором объединения киргизских племен была борьба с агрессивной джунгарской ханов. М. Т. Айтбаев (АН КиргССР) ознакомил присутствовавших с некоторыми собранными им в 1955 г. по поручению Киргизской экспедиции в Джалал-Абадской области данными, относящимися к истории отдельных этнических групп киргизов. Так, по его данным, группы саруу, мундуз, басыз и другие прибыли в XVIII в. с территории Алая и Восточного Туркестана. Кыпчаки, по его мнению, могли появиться в южной Киргизии в XVI в., придя туда с десяти-кыпчакскими племенами. Другого мнения придерживается Я. Р. Винников (Ин-т этнографии), который утверждает, что все южные киргизы пришли на современную территорию из Восточного Туркестана и с Тянь-Шаня. Здесь они обитают уже 300—400 лет. Он отрицал возможность прихода некоторых групп киргизов с запада.

Со своими наблюдениями, сделанными среди киргизов Джиргатальского района Таджикской ССР, поделилась Б. Х. Кармышева (Ин-т этнографии). Культура джиргатальских киргизов близка к таджикской. Они делятся на группы: западную (так называемые каратегинчи) и восточную, в которую входят бостон, кесек и другие подразделения. По данным Б. Х. Кармышевой, в составе тюркоязычного населения Таджикистана (среди барласов, мугулов) имеются группы под названием «кыргыз». Необходимость изучения киргизов, живущих на территории Таджикистана, и киргизско-таджикских связей подчеркнула А. К. Писарчик (АН ТаджССР). Она отметила также в качестве очередной задачи, стоящей перед этнографами, изучение духовной культуры исследуемого народа.

К. И. Антипина (АН Кирг.ССР) остановилась на особенностях материальной культуры киргизов Ошской области и привела собранные ею данные, свидетельствующие о различиях, наблюдаемых в быту основных групп этих киргизов: ичкиликов,

с одной стороны, адигине и мунгуш,— с другой. Две последние группы по ряду особенностей культуры тяготеют к северокиргизским племенам.

Некоторые данные о киргизско-якутских этнографических параллелях привел в своем выступлении С. И. Николаев (Якутский филиал АН СССР).

На роли этнографических исследований при изучении проблем этногенеза остановилась Т. А. Жданко (Ин-т этнографии). Она отметила значение прослушанных на данной сессии этнографических докладов, основой для которых явились обширные материалы Киргизской комплексной экспедиции. Т. А. Жданко указала на некоторые параллели в этнонимике каракалпаков, киргизов и башкир.

А. Боров (АН КиргССР) призвал к более широкому и систематическому сбору, изучению и публикации материалов по киргизскому народному декоративному искусству.

Группа участников сессии посвятила свои выступления вопросу о письменных источниках, которые могут быть использованы при исследовании происхождения киргизского народа. А. А. Кондратьев (Ин-т востоковедения АН СССР) привел свидетельства китайских источников второй половины XVIII и начала XIX в. о родоплеменном составе киргизов. С. Агаджанов (АН Туркменской ССР) обратил внимание на данные, находящиеся в трудах некоторых восточных авторов, которые необходимо учитывать при этногенетических исследованиях. Ю. Зуев (АН КазССР), опираясь на китайские источники, поддержал мнение о тюркоязычности усуней, но выразил сомнения по поводу возможности проникновения киргизов на Тянь-Шань вместе с гуннами.

В заключение участники сессии отметили, что обсуждение результатов работ представителей различных отраслей знания дало возможность достичь единства мнений по некоторым вопросам.

Киргизский народ и его культура сложились, по общему мнению, в результате взаимодействия по меньшей мере двух этнических элементов: центральноазиатского и местного, среднеазиатского.

Один из важнейших, «узловых» моментов этногенеза киргизского народа, ближайший по времени, связан с событиями первой половины II тысячелетия н. э. В эту эпоху на территорию Киргизии проникает с востока значительное большинство предков современных киргизов, говорящих на уже сложившемся киргизском языке. Вместе с тем в материальной культуре пришедших из Центральной Азии предков киргизов еще отсутствовали многие элементы, характерные для киргизского народа и сложившиеся в новых условиях его обитания.

Начиная с указанной даты, которая еще должна быть уточнена в дальнейшем, киргизы становятся численно преобладающей группой населения на территории Киргизии, чего ни в коем случае нельзя сказать по отношению к более ранним эпохам. Вопрос о том, существовали ли отдельные группы киргизов на ныне занимаемой ими территории в I тысячелетии н. э. и в более ранние эпохи, остается дискуссионным и требует дальнейшего изучения.

Не достигнуто пока единства мнений и по вопросу о переселении киргизов с Енисея на Тянь-Шань.

В результате обсуждения докладов выявились первоочередные задачи дальнейшего исследования.

Археологические работы, к сожалению, совершенно недостаточно заполнили пробел в изучении памятников II тысячелетия н. э. В ближайшее время должны быть проведены специальные работы по поиску и исследованию этих памятников на территории Киргизской ССР, особенно в горных ее районах.

В области исторической науки основной задачей признано издание восточных письменных памятников в русском и киргизском переводе. В первую очередь необходимо издать сочинение XI в. «Диван-лугат-ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, а также сборник материалов, имеющих наиболее существенное значение для исследования проблемы этногенеза и связанных с ней вопросов. Не менее важна публикация русских документов историко-этнографического характера о Киргизии и киргизах.

В области языкознания необходимо продолжить сплошное обследование киргизских диалектов по единой программе как на территории Киргизии, так и особенно за ее пределами, завершив в ближайшее пятилетие составление диалектологического атласа киргизского языка и уточнив схему классификации диалектов. Необходимо систематизировать данные по топонимике, до сих пор почти не использованные для решения проблем этногенеза киргизов.

Антропологические исследования в Киргизии проводились с широким территориальным охватом, но по слишком краткой программе. Расширение программы, со включением в нее мало изученных или совсем не изученных признаков, являющихся предметом внимания современной антропологической науки, представляется наиболее важной задачей дальнейших исследований в области антропологии.

Этнографические материалы нуждаются прежде всего в сравнительном их освещении и систематизации. На основании этих материалов необходимо приступить к составлению типологических таблиц и альбомов к этнографическому атласу. Наряду с собиранием дополнительных материалов на территории Киргизии и обследованием групп киргизов, живущих в соседних республиках, особенно необходимы работы над музейными и литературными источниками по другим народам, а также, в случае необходимости, полевые этнографические исследования других народов по специальной программе, которая должна быть разработана в ходе систематизации материалов экс-

педиции. Необходимо, далее, немедленно приступить к систематизации этногенетических данных, содержащихся в фольклоре киргизов.

Было отмечено, что на сессии недостаточно освещен вопрос о времени сложения киргизской народности, который остается дискуссионным и требует дальнейшего изучения.

Подавляющее большинство участников сессии согласно с выводом о том, что основное ядро киргизского народа или по крайней мере один из его основных компонентов — центральноазиатского происхождения. Однако вопрос о более точной локализации этого центральноазиатского ядра и ряд других связанных с этим вопросов остаются почти совершенно не изученными.

Изучение этногенеза киргизского народа может быть поднято на более высокую ступень, только после организации комплексных экспедиций по всем отраслям знания, связанным с данной проблемой, в Синьцзян и в западную Монголию. Сессия признала необходимым обратиться к Президиуму АН СССР и Президиуму АН Киргизской ССР с просьбой возбудить ходатайство об организации Синьцзянско-монгольской комплексной экспедиции с участием советских, китайских и монгольских ученых.

С. Абрамзон

32-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АМЕРИКАНИСТОВ

В августе 1956 г. в Копенгагене состоялся очередной международный конгресс американистов. Эти конгрессы созываются раз в два года поочередно в одной из стран Европы и Америки: так, предыдущий, 31-й конгресс происходил в Сан-Пауло (Бразилия). Всего было зарегистрировано 328 участников 32-го конгресса, среди них — делегаты почти всех стран Латинской Америки, США, Канады, Англии, Франции, ФРГ, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Испании, Италии, Швейцарии, Австрии, а также стран народной демократии — ГДР, Венгрии, Чехословакии. Русские ученые не раз принимали участие в работе конгрессов американистов. На 21, 22, 23 и 24-м конгрессах присутствовали В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг и другие, выступавшие с докладами по узловым вопросам американистики. Достаточно назвать доклады Богораз на 21 и 23-м конгрессах — «Новые проблемы этнографического изучения в полярных странах», «Новые данные о типах и распространении оленеводства в Северной Евразии» и др.

На 32-й конгресс было направлено три делегата СССР — А. П. Окладников, Ю. В. Кнорозов и И. А. Золотаревская.

Советская делегация представила на конгресс 4 доклада: «Советские археологические исследования на Тихоокеанском побережье Азии» А. П. Окладникова, «Новые данные о письменности майя» Ю. В. Кнорозова, «Американские этнографические коллекции в русских собраниях» Е. Э. Бломквист, Э. В. Зиберт и И. А. Золотаревской, «Антропологический тип северо-восточных эскимосов и проблемы их этногенеза» М. Г. Левина.

Таким образом, доклады советских делегатов были прочитаны на четырех секциях конгресса — секции этнологии американских индейцев; археологии американских индейцев; арктической этнологии и археологии; физической антропологии. Кроме этих секций, работали еще две секции: лингвистики и колониальной истории.

Конгресс открылся 8 августа в актовом зале Копенгагенского университета речью его почетного президента — Вильяма Тальбитцера, известного датского ученого. С приветствиями выступили главы делегаций — от Австрии проф. Иозеф Гекель, от Бразилии проф. Герберт Балдус, от Франции проф. Поль Риве, от Великобритании проф. Беатриса Блеквуд, от Мексики д-р Альфонсо Касо, от Норвегии проф. Гуторм Гьессинг, от Швеции проф. Зигвальд Линне, от США проф. Роберт Лоуи, от Советского Союза проф. А. П. Окладников.

После приветственных речей руководитель конгресса проф. Кай Биркет-Смит сделал краткий доклад о состоянии изучения эскимосов и теоретическом значении эскимосского материала.

Работа конгресса в основном сосредоточивалась вокруг нескольких узловых проблем американистики. К их числу относится проблема тихоокеанских связей и, как ближайшая к ней, проблема происхождения эскимосов и алеутов. Интерес датских ученых к этому кругу проблем особенно велик. Для Дании изучение Северной Америки и Гренландии является традиционным. Многочисленные экспедиции датских ученых — Рассмусена, Кая Биркет-Смита, Матиассена и других заложили фундамент эскимосоведения. Не удивительно, что доклады датских археологов и этнографов — специалистов по эскимосской культуре — вызвали глубокий интерес. На конгрессе были доложены неизвестные ранее факты истории древних эскимосов Гренландии и севера американского континента. Известный датский исследователь Гренландии Айгиль Кнут дал детальную характеристику древних палеоэскимосских памятников Гренландии и более поздних, неэскимосских — типа Туле. Открытие древнейшей эскимосской культуры замечательно и тем, что в кремневом инвентаре ее наблюдаются общие черты с открытиями за последние десять лет неолитическими памятниками северо-востока Азии, особенно долины Колымы и Чукотского полуострова. А это дает возможность искать реальные корни палеоэскимосской или даже палеоиндейской (для Аляски и Северной Америки) культуры на территории СССР.